

превратился в острое политическое оружие, направленное на защиту родного языка, веры, национального самосознания.

Свою типографскую деятельность во Львове Иван Федоров считал естественным продолжением работы, начатой в Москве, а Львовскую типографию — преемницей Московской типографии 1564—1566 гг. Гневом дышат его строки, обличающие врагов книгопечатного дела, заставивших его покинуть родину, переселиться в далекие, незнакомые страны. В «Повести» Федоров писал: «... презелнаго ради озлобления часто случющагося нам... от многих начальник и священно-началник и учитель, которые на нас зависти ради многия ереси умышляли, хотячи благое в зло превратити, и божие дело вконецъ погубити. Якож обычаи есть злонравных и ненаучных, и неискусных в разуме человек, ниже грамотическия хитрости навыкше... Такова бо есть зависть и ненависть, сама себе навещаючи не разумет како ходит и о чем утверждается. Сия убо нас от земля и отечества и от рода нашего изгна, и в ины страны незнаемы пресели». «Повестъ» имеет огромное значение для воссоздания далеко еще не изученной биографии Ивана Федорова. Вырисовывается благородный образ борца за народное просвещение, глубоко преданного своему делу, образ человека, для которого жизнь заключалась в работе на поприще книгопечатного искусства. «Не мните убо, — писал Иван Федоров, — яко от чрева глаголети ми, или писати. Вестъ бо всяк... како от... милости пана Григория Ходьковича всякими потребами телесными пищею и одеждою удоволен бех. Но вся сия нивочто же вменях...».

Отметим, что Федоров был не всегда объективен в своих оценках. Так, например, описывая причины прекращения деятельности Заблудовской типографии, московский первопечатник писал: «Егда же прийти ему (Г. А. Ходкевичу, — Б. С.) в глубоку старость и начасте главе его болезни одержиме бывати, повеле нам работания сего престати, и художество рук наших нивочто же положити, и в веси земледелием житие мира сего препровождати...». Закрытие типографии в Заблудове, как известно, имело более глубокие причины. После заключения Унии 1569 г. литовский гетман Г. А. Ходкевич нашел невыгодным для себя поддерживать деятельность русской типографии и, предав национальные интересы, пошел на союз с польской короной.

Для «устроения» своей типографии во Львове у Федорова не хватило средств. С болью в сердце пишет он о неудачных попытках достать необходимые деньги у знатных и богатых горожан Львова: «... многоащи богатых и благородных въ мире, помощи прося от них, и метание сътворя коленом касаяся и припадая на лица земном, сердечно каплющими слезами моими ноги их омывах, и сие не единою ни дващи, но и многоащи сътворях... не испросих умиленными гласы, ни умолих многослезным рыданием... еже не обретох милующаго ниже помогающаго».

Тогда Федоров обратился к священникам, чтобы с церковного амвона рассказать прихожанам о денежных затруднениях, которые он испытывал. С большой теплотой пишет Иван Федоров о людях, которые помогали ему основать типографию во Львове: «Мали нещыи в иерейском чину, инии же наславнии в мире обретошася, помощь подающе. Не мню бо от избытка им сия творити, но якоже оная убогая вдовица от лишения своего две лепте ввергъшия». «Две лепты убогой вдовицы» — это художественный образ большой эмоциональной силы. Федоров хорошо отражает социальное лицо тех людей, которые помогали ему основать во Львове русскую народную типографию. Эти слова раскрывают многое в деятельности Львовской типографии. Не случайно русский Букварь был напечатан Федоровым именно во Львове. Приведенные строки объясняют также